
ФАЗА ИНГИБИТОРОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Действие этого романа происходит во вселенной Пространства Откровения. Хотя он в определенной степени связан с некоторыми другими книгами и рассказами этого цикла, надеюсь, что его можно читать независимо. Вдобавок, хотя в нем имеются отсылки к предшествующим событиям и персонажам, я пытался избегать существенного раскрытия содержания других произведений. Если хотите погрузиться в эту книгу с нуля — добро пожаловать, и можете пропустить остальное.

Если же вам хочется чуть больше ориентироваться в происходящем, вот самое существенное, о чем следует знать.

Спустя пять с небольшим столетий человечество распространилось в космическом пространстве, заселив многие окрестные звездные системы. Бывали как хорошие времена, так и плохие: золотой век, фракционные войны, разрушительная эпидемия. Исследуя руины исчезнувшей чужой цивилизации, люди пробуждают давно спящую угрозу, возникшую еще в начале времен. Из тьмы появляются безжалостные кубические самовоспроизводящиеся машины — ингибиторы, которые принимаются истреблять человечество. В последующие двести лет люди и их союзники (включая обладающих коллективным разумом сочленителей и генетически модифицированных гиперсвиней), несмотря на все разногласия, объединяются и прибегают ко все более радикальным средствам в поисках оружия против ингибиторов, известных также как волки.

Все эти попытки в той или иной степени завершаются неудачей.

К концу двадцать восьмого века от человечества остается лишь несколько изолированных общин, которым приходится существовать в условиях все более ограниченных ресурсов, по-прежнему не имея представления, как отражать атаки волков.

С этого начинается «Фаза ингибиторов».

Опять-таки, если вам этого достаточно — добро пожаловать. Если желаете узнать больше подробностей о хронологии, терминологии и ключевых персонажах, загляните в конец книги, но имейте в виду, что эти примечания в определенной степени раскрывают содержание как «Фазы ингибиторов», так и других произведений.

Именно потому они и расположены в конце.

Аластер

Часть первая

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЛ

ГЛАВА 1

Викторина раскрашивала стену. Я смотрел, как появляются все новые детали на потемневшем краю настенной росписи. Из пустоты летело множество кубов, каждый был изображен двумя быстрыми штрихами темно-синей и черной краски. Кубы отчетливо выделялись на красноватом фоне пылевого диска, выстраиваясь в извилистые линии, петли и цепи, прежде чем слиться в нечто более крупное и зловещее, пронизанное молниями, будто армада грозowych туч. Но все это творчество принадлежало не Викторине, а другим школьникам, часть которых давно выросла или умерла.

И тем не менее она трудилась, слой за слоем нанося краску. Вот из тучи вырвалась стая диковинных уродливых тварей с пылающими злобой глазами, мускулистых и мохнатых, когтистых и клыкастых.

— Я знаю, что они на самом деле не волки, — сказала Викторина, словно предвидя мою реплику. — Я знаю, что мы просто их так называем. Но они вполне могли бы быть волками.

— Ты же никогда не видела волков.

— Мне это ни к чему.

— Они напоминают нам о том, что нас сюда привело, — тихо проговорил я. — Именно потому они изображены на стене. Но ты рисуешь их так, будто они собираются прыгнуть с неба. Тебе правда так кажется?

Викторина положила кисть на край металлического ящика, который держала в другой руке. Внутри находился импровизированный инструментарий. Химические пигменты и стабилизирующие эмульсии когда-то, во время великого поселен-

ческого проекта, служили совсем другим целям. Некоторые цвета были ей недоступны, поскольку нужные ингредиенты либо не удалось найти, либо их нельзя было тратить на нечто столь несерьезное, как школьная стенная роспись. Роль кистей играли неоструганные палочки, увенчанные жесткой шерстью скотины, которую мы держали ради еды и одежды. Сам ящик с красками прежде был частью ранца жизнеобеспечения, давно разобранный и приспособленный для других целей. То, что Викторина вообще могла оставить на стене какой-то след, казалось неким чудом. По сути, в ее волках жила невероятная, полная отчаяния энергия.

— А как, по-твоему, мне должно казаться? — ответила она вопросом на вопрос.

Земля содрогнулась от глухого удара. Мы оба посмотрели вверх — над стеной, над школой, на каменный потолок высоко над нами. Последовал второй удар, и с потолка посыпалась грязь и пыль. Потолочные огни мигнули и погасли. Начали отваливаться более тяжелые камни. В пещере послышались крики.

Викторина, однако, оставалась полностью спокойной.

— Они здесь, — сказала она, отходя на шаг от плода своих трудов. — Они здесь и хотят ворваться. — В ее голосе послышались обвинительные нотки. — Это значит, что у тебя ничего не вышло, Мигель. Ничего не вышло, и настает конец всему.

Она опустила кисть в баночку с растворителем и неторопливо ею помешала.

Грохот ударов сменился пульсирующим сигналом таймера пробуждения. Вместо шороха кисти слышался шум просыпающихся воздушных насосов. Глаза жгло, но не от попавшего в них мусора, а от попытки широко их раскрыть после долгих недель сна.

Я проснулся.

Внутри гибернатора.

Лежа в невесомости, я сразу же понял, что пережил полет и что корабль вместе со всеми его компонентами сумел продержаться достаточно долго, чтобы доставить меня в точку перехвата. Учитывая состояние нашей техники, в том числе

систем защиты, уже за одно это мне следовало благодарить судьбу. Гибернаторов вполне хватало, чтобы провести несколько недель в анабиозе, но по надежности они никак не могли сравниться с криокапсулами, которые мы когда-то воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Каждый перелет, включавший в себя период анабиоза, сопровождался риском погибнуть или стать навсегда инвалидом. Я рискнул и остался жив; и мне предстояло рискнуть как минимум еще раз до моего возвращения в Солнечный Дол.

Я подождал минуту, собираясь с силами, а затем занялся отключением находившихся в камере датчиков и катетеров. Покончив с долгой и мучительной процедурой, я не спеша осмотрел себя отстраненным, методичным взглядом врача. Голубое сияние беспощадно высвечивало все дефекты: шрамы, дряблые мышцы, седые волосы — ничего нового. Несколько свежих ссадин, пара синяков, кровотечений тут и там, обычное онемение и дрожь в пальцах. Ничего такого, что могло бы умертвить меня в ближайшие часы.

В памяти все еще были свежи воспоминания о последних нескольких днях перед отлетом. Обнаружение, подтверждение, решение о перехвате. Мое добровольное согласие участвовать в операции. Аргументы за и против, слезы и тоскливое прощание с Николя и Викториной. Старт из кратера с ложным дном над ангаром для шаттлов в Солнечном Доле. Боль в костях, пока шаттл разгонялся, набирая скорость под прикрытием окружавшего звезду пылевого диска. Десять *g*, четыре целых семь десятых часа. К счастью, большую часть этого времени я пробыл без сознания, а выдержал лишь благодаря энергичным мерам по жизнеобеспечению, снявшим бремя с сердца и легких. Позвоночник все еще болел от последствий перегрузки, от медленного и болезненного перехода к невесомости.

Такое тяжело даже для молодого человека, а для реликта вроде меня вообще убийственно.

Почему я вызвался добровольцем? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось углубиться в воспоминания, и меня сразу обожгла дикая боль, будто от прикосновения к болтающемуся на нерве зубу.

Ах да. Вот почему.

Политическое искупление вины.

На моей профессиональной репутации появилось пятно, когда провалилась попытка от меня избавиться. После спорного суда и неумелой казни я решил исправить ошибку.

Рюрик Тэйн, корчащийся на полу, еще не мертвый.

Во всем был виноват только я. Для смещения меня с должности не было никаких поводов — ничего криминального, лишь ряд ошибочных суждений, — но этого вполне хватало, чтобы подорвать оказанное мне доверие, за которое я столь тяжело сражался с момента основания Солнечного Дола.

Я подавил всяческую жалость к себе. Я сам сделал выбор, никто меня не вынуждал. Как союзники, так и скептики пытались меня отговорить. Но я знал, что единственный способ искупить вину — исполнить свой долг.

И теперь мне предстояло довести дело до конца.

Как только миновала сопутствовавшая пробуждению слабость, я выбрался из гибернатора и поплыл в рубку управления с местами для пилотов и слабо светящимися приборами. Хотя на корабле с легкостью могла поместиться более многочисленная команда, я был один. Устроившись в среднем кресле, я поднял яркость приборов до нормальной, оставив иллюминаторы закрытыми. Удовлетворившись тем, что корабль пребывает в добром здравии (спасибо основательно постаравшимся инженерам), я включил связь, надеясь получить информацию о пришельце. Меня бы вполне устроило, если бы это оказалась ложная тревога, некий мираж, или если бы команда пришельца передумала и двинула обратно в межзвездное пространство, оставив нас в покое.

Но надеждам не суждено было сбыться. Пришелец никуда не делся, он продолжал лететь прямо в сторону Михайлова Дня и Солнечного Дола.

Я скорректировал свое положение, используя маневровые двигатели на холодном газе, чтобы минимизировать вероятность быть замеченным. Мой корабль все еще отделяли от пришельца тридцать миллионов километров, но это была мелочь по сравнению с размерами системы. Наша относитель-

ная скорость составляла чуть меньше четырех тысяч километров в секунду — до встречи оставалось два часа.

Перейдя в ракетный отсек, я открыл шлюз и внимательно осмотрел оружие, убеждаясь, что оно не пострадало при старте.

Ракета была лишь одна — толстый цилиндр с закругленными торцами, длиной в два метра, на развертываемых пусковых салазках. На плоской стороне кожуха виднелась панель с черными кнопками. Я коснулся одной из них, и вспыхнула матрица из красных огоньков, которые прошли стартовый цикл и замерли, сигнализируя о готовности. Загерметизировав люк, я откачал из ракетного отсека воздух, затем открыл внешний люк и выдвинул салазки за пределы корпуса.

Вернувшись в рубку управления, я обнаружил, что проверка ракеты и подготовка к пуску заняли менее десяти минут.

Я загрузил тактические данные с главной консоли шаттла в ракету, снабдив ее информацией о текущем положении и скорости пришельца. Затем еще раз проверил связь — просто на случай, если вдруг поступил приказ об отмене атаки.

Но ничего такого не поступало.

Дождавшись, когда расстояние между нами сократится всего до двух миллионов километров, я выпустил ракету. Захваты на салазках раскрылись, и ракета без каких-либо фанфар устремилась прочь, быстро разгоняясь. Я ждал реакции пришельца, попытки увернуться, но он продолжал приближаться. Впрочем, меня это не удивило: если пришелец мог обнаружить ракету, он точно так же мог давно обнаружить и меня.

Судя по данным на консоли, ракета зафиксировала цель. Она должна была проскользнуть подобно кинжалу между лучами двигателей и самоуничтожиться за микросекунду до столкновения. Издали аннигиляционный взрыв ничем не отличался бы от аварии двигателя сочленителей — точно такая же авария последовала бы мгновение спустя, когда корабль развалился бы на части.

Лишь покончив с делом, я позволил себе подумать о тех, кто сейчас спал на том корабле. Я понятия не имел, сколько их, где и когда началось их путешествие. Вряд ли мы когда-нибудь узнали бы это. Но хотелось думать, что они легли

в свои анабиозные камеры без страха в душе, ничего не зная о том ужасе, который, судя по всему, их обнаружил, а потом преследовал среди звезд, гоня к последнему пристанищу.

Я знал, что однажды мы найдем способ их оплакать. Дело вовсе не в том, что мы являлись убийцами по своей природе или имели что-то против команды и пассажиров того корабля. Наверняка они просто искали укрытие от волков, какое-нибудь тихое, неприметное место. Сами мы именно по такой причине выбрали Михайлов День и вообще эту систему. Вероятно, они руководствовались той же логикой.

Но мы успели раньше. Мы зарылись в кору Михайлова Дня и прожили там много лет, доказав, что хорошо умеем залегать на дно. Мы никому и никогда не выдавали нашего присутствия и не намеревались этого делать. Вот почему мы не могли допустить, чтобы до нас добрался этот яркий и неуклюжий незванный гость. Даже если люди на его борту ничего о нас не знали и даже если не имели ни единого шанса узнать, они все равно могли привести волков прямо к нашему порогу.

И потому они должны были погибнуть, причем так, чтобы это выглядело случайной катастрофой.

На консоли замигал красный огонек, раздался пронзительный предупреждающий сигнал. К моему ужасу, в траектории ракеты появилась аномалия. Я мог лишь беспомощно наблюдать, считывая едва различимый след телеметрии — низкочастотный треск, смешивавшийся с радиочастотным шумом, который исходил от Михаила. При одном из резких отклонений заело маневровый двигатель, и ракету начало уводить в сторону.

Я проклял наше невезение. У импровизированных ракет отказ рулевого управления был вполне вероятен — мы требовали от них намного большего, чем то, на что они были рассчитаны. Но мы сделали все возможное, чтобы минимизировать эту проблему.

— Скорректируй курс, — прошептал я.

Ракету мотало из стороны в сторону. Могло хватить любого толчка, чтобы заклинивший двигатель вновь заработал. Еще оставался шанс...

Но на консоли снова замигал огонек, и послышался уже другой предупреждающий сигнал:

Перехват невозможен.

Перехват невозможен.

Перехват невозможен.

С математикой не поспоришь. Судороги увели ракету слишком далеко от расчетной траектории. Если только пришелец вдруг любезно не сменит свой курс, ракета уже никак не может достичь цели.

— Отбой и самозащита, — приказал я ракете.

Мои слова предназначались исключительно для консоли, обладавшей достаточным искусственным интеллектом, чтобы понимать естественный язык. Ракете передавалась лишь короткая последовательность двоичного кода.

Ракета должна была израсходовать остатки топлива в попытке выхода на орбиту-отстойник, откуда ее смогут когда-нибудь забрать. Сколь ни сложна подобная задача, все равно это лучше, чем потерять боеголовку.

Теперь я знал, что нужно делать. О том, что это может потребоваться, я знал всегда, но загонял знание в самые дальние уголки разума, пока оставалась надежда, что нашей первой линии обороны вполне достаточно.

Однако, после того как отказала ракета, оставалось лишь прибегнуть к другому нашему способу остановить летящий на околосветовой скорости корабль. Метод этот нельзя было назвать столь же хирургическим, и он мог обойтись куда дороже Солнечному Долу... А самое главное, даже если бы получилось, я никогда бы об этом не узнал.

Но альтернативы у меня не было.

— Протокол два, — сказал я шаттлу. — Запрет на отбой.

Подтверждение?

— Кидония, — ответил я, воспользовавшись заранее заготовленным паролем.

Шаттл принял мои инструкции. Заработали его собственные маневровые двигатели, еще точнее коррелируя его курс с курсом пришельца. Ему предстояло последовать по той же траектории, что и ракете, проскользнув между лучами дюз. Это непросто даже для ракеты, не говоря уже об объемистом шатт-

ле. Но даже если часть радиации из дюз пришельца просочится сквозь корпус, это уже не имеет значения.

Боеприпасов у меня не было, так что разрушительная мощь шаттла содержалась исключительно в его массе и скорости. Я надеялся, что этого хватит.

Я чувствовал себя намного спокойнее, чем можно было ожидать. Ни для сомнений, ни для нервного срыва уже не оставалось времени. Я передал все необходимое управление шаттлу, лишив себя возможности что-либо отменить. Я мог сражаться с приборами, умолять о пощаде, но все было бы тщетно.

Мне предстояло умереть.

Вместе с собой я обрекал на смерть неведомое число невинных душ, летящих на том корабле. Но при этом я спасал пять тысяч жителей Солнечного Дола, включая женщину, которую любил, и ее дочь, которую она допустила в мой мир. Я представил, как Николая и Викторина сидят за нашим столом. Николай сообщает печальную новость, а Викторина слушает, отважно храня самообладание в течение нескольких секунд, прежде чем до нее доходит вся правда. Я не был ее отцом и никогда не знал дочерней любви, но верил, что она будет мной гордиться.

Я собрался с духом и стал смотреть, как таймер отсчитывает секунды до нуля. Последовала яркая вспышка, и на какое-то дурацкое мгновение я решил, будто это и есть удар. Но белое свечение никуда не делось, оно просачивалось сквозь стены кабины и заслонки на иллюминаторах, пока наконец не исчезло.

Шаттл сильно тряхнуло.

Таймер миновал нулевую отметку и продолжил считать.

И все-таки я не умер. Но что-то все же случилось. Слово в тумане я увидел, что все системы корабля выключились. Новых толчков не последовало, но я чувствовал, что корабль рыскает, потеряв управление.

Я глубоко вздохнул, ошеломленный тем, что все еще существую. Я всерьез жалел, что искупление грехов, на которое я надеялся в миг смерти, более мне недоступно.

Постепенно мое зрение восстановилось; столь же постепенно восстанавливались функции шаттла. На консоли снова вспыхнули индикаторы. Имелись некоторые повреждения, но не столь серьезные, чтобы их можно было связать с каким-либо рода столкновением. Внешняя обшивка слегка пострадала, но явно не от удара.

Внезапно будто градом осыпало шаттл. Или будто кто-то колотил по нему кулаками. Мгновение спустя все прекратилось.

Я начал понимать.

Мне вовсе не обязательно было таранить пришельца. В последние несколько секунд перед столкновением его двигатели наконец не выдержали и разрушились, вызвав белую вспышку и лишив чувств мой шаттл, но не уничтожив его. Я проплыл сквозь расширяющееся облако обломков.

Шаттл явно пребывал в замешательстве. Ему поручили задачу, но этой задачи больше не существовало.

Отсутствует решение для протокола два.

Отсутствует решение для протокола два.

Отсутствует решение для протокола два.

Отменить запрет отбоя?

— Да, — выдал я, с трудом переводя дыхание после того, как меня коснулась холодной лапой смерть. — Да, отменить запрет отбоя. Подтвердить отмену.

Запрет отбоя отменен. Жду приказаний.

«Приказаний». Сама мысль об этом казалась нелепой. Что я, собственно, мог приказать? Несколько минут назад я очистил разум от всего, кроме полного смирения с неминуемым концом. Теперь же мне предстояло нашарить оборванную нить моей собственной жизни, найти какую-то цель и двигаться дальше.

— Не знаю, — проговорил я. — Просто... стабилизируй положение. Следуй прежним курсом и... выясни, что, черт побери, произошло. И... отзови ракету, если ей еще хватит топлива.

Полчаса я продолжал дрейфовать мимо точки взрыва. Затем с консоли раздался мелодичный звон — негромкий и вежливый, будто кашель в театре.

Шаттл что-то обнаружил. Это были не данные от ракеты, не сообщение из Солнечного Дола или с одного из наблюдательных спутников-апостолов, а электромагнитный сигнал — повторяющиеся радиоимпульсы с интервалом, близким к одной секунде. Я поручил шаттлу собрать достаточное количество этих импульсов и подвергнуть тщательному анализу заключенное в них содержание. Содержания, впрочем, было крайне мало — всего лишь плавные взлеты и падения, за которыми следовала тишина, потом снова взлеты и падения.

Пока мы дрейфовали, шаттл сумел запеленговать источник импульсов. Он удалялся от точки, где взорвался пришелец, но в том же направлении, что и я, и почти с той же скоростью — разница составляла лишь несколько сотен километров в секунду. Если бы он двигался вместе с облаком обломков, его сейчас отделяли бы от меня десятки миллионов километров, но он находился меньше чем в двух миллионах километров у меня за кормой.

Нечто сумело пережить взрыв или было выброшено незадолго до него. И это нечто распространяло в точности тот самый сигнал, который Солнечный Дол уже тридцать лет изо всех сил старался не распространять: четкий, повторяющийся и недвусмысленный индикатор функционирующей человеческой технологии. Неизвестно, мог ли взрыв привлечь волков, но вряд ли они проигнорируют методичный сигнал бедствия.

Если только этот сигнал не смолкнет. И очень скоро.

Ракета вернулась, скользнув из темноты внутрь шаттла и вновь зафиксировавшись на салазках.

Поместив ее обратно в оружейный отсек, я начал перекачивать в ее бак топливо из запасов шаттла. На это требовалось время, но иных вариантов у меня не было. Пока шла заправка, я с помощью непростой, но тщательно отработанной процедуры извлек из передней части ракеты боеголовку с антиматерией. Ее магнитная оболочка вместе со встроенной в нее системой детонации представляла собой кусок стерильного металла величиной с кулак, чистый и блестящий, будто искусственное сердце. Боеголовка была слишком ценна, чтобы тра-

тить ее на цель, для которой, как я рассчитывал, хватит обычного кинетического удара.

Покончив с этим и загрузив в ракету пересмотренные координаты цели, я отправил ее обратно.

И стал ждать.

Мой план был достаточно ясен — я уже начал коррекцию курса, которая в конечном счете привела бы меня назад, на Солнечный Дол.

На таком отдалении от плоскости эллиптической орбиты космическая пыль уже не защищала меня в той же степени, что и вначале. Маневровыми двигателями приходилось пользоваться осторожно, с псевдослучайными интервалами, стараясь по возможности затеряться в переменном свечении самого Михаила.

После того как ракета сделает свое дело, проложенный курс приведет меня в окрестности точки удара, которые я обследую на предмет природы источника передачи. О том, на что могут указывать те обломки, не хотелось думать.

Ракету отделяло от цели тридцать минут, когда послышался голос.

Он принадлежал женщине, говорившей на каназиане — языке, которым пользовалось большинство из нас в Солнечном Доле.

— Помогите мне... Кто-то наверняка меня слышит. Пожалуйста, помогите...

Консоль подтвердила, что голос исходит из той же точки, что и сигнал бедствия. Он был едва слышен, но проблем от этого не становилось меньше.

— Замолчи, — умоляюще проговорил я, как будто она могла услышать. — Ты все равно умрешь, к чему усложнять?

— Я не знаю, где я и сколько прошло времени, — продолжал голос. — Но что-то случилось, и никого больше нет. Думаю, с кораблем что-то произошло, что-то плохое. Если вы меня слышите и находитесь где-то рядом, помогите мне. Мне холодно... все холоднее. Пожалуйста, помогите.

Голос казался призрачным, потусторонним, будто исходил не из человеческой гортани.

— Ты волк? — прошептал я в пустоту кабины. — Хочешь заманить меня в ловушку?

— Мне очень холодно. Вряд ли так должно быть. Я не могу пошевелиться... не чувствую ничего ниже шеи. Даже не уверена, говорю ли я в самом деле. Я слышу свой голос... но он как-то не так звучит. Будто это не я, а мой призрак.

— Потому что ты умерла, — сказал я.

Я велел консоли открыть обратный канал связи на той же частоте.

— Замолчи, — повторил я, но на этот раз уже для нее. — Замолчи и попробуй сообразить, как отключить этот твой аварийный маячок.

Последовало двадцать секунд тишины, затем ответ:

— Кто ты? Можешь мне помочь?

— Не важно, кто я. Ты слишком шумишь, и это нужно прекратить.

Теперь я тоже шумел, но, по крайней мере, шаттл посылал мой ответ по узкому лучу строго в ее сторону, сводя к минимуму вероятность, что он рассеется или будет перехвачен.

— Если ты не сможешь... — Собственно, ни о каком «если» речи не шло — я собирался в любом случае ее убить. — Просто выключи аварийный маячок. Вероятно, ты все еще пребываешь в криосне, но пробудилась до минимального уровня сознания. Ты наверняка можешь обратиться к командному дереву своей капсулы. Найди способ отключить сигнал и прекрати голосовую передачу.

Снова наступила тишина — задержка, вызванная разделяющим нас расстоянием. Она тянулась столь долго, что мне показалось, будто загадочная незнакомка восприняла мое предупреждение со всей серьезностью.

— Мне страшно, — наконец проговорила она. — Я не помню, что случилось. Сперва был корабль, а потом это. Я даже не...

— Замолчи.

— ...помню, кто я.

— Слушай меня внимательно. Здесь небезопасно. Мой долг — защищать мой народ, а ты несешь угрозу.

— Где я?

— Дрейфуешь вдалеке от тех мест, где тебе когда-либо хотелось оказаться. А теперь выключи сигнал.

— Мне так холодно...

Двадцать секунд спустя маячок смолк — то ли выключился сам, то ли она все-таки сумела добраться до командного дерева. Я позволил себе облегченно вздохнуть. Оценить последствия случившегося я не мог, но был рад уже тому, что мне больше не бьет по ушам идущий с консоли сигнал и что не придется тратить ракету.

— Думаю, он больше не работает.

— Хорошо, — выдохнул я. — А теперь...

— Пожалуйста, помоги мне.

Я рассчитал новый курс, отозвал ракету и велел ей снова идти на орбиту-отстойник. Мы с ней должны были пройти через одну и ту же область пространства, но в разное время и с разными скоростями, так что перехватить ее в этот раз не было никакой надежды. Но даже без боеголовки ракета стояла того, чтобы ее сохранить.

Чтобы добраться до места, откуда исходил женский голос, требовалось три недели. Снова забравшись в гибернатор, я закрепил в нужных местах катетеры и датчики, после чего настроил автоматику так, чтобы она оживила меня, когда шаттл окажется в двух часах пути от дрейфующего объекта.

Ее капсула свободно парила, давно покинув облако обломков. Она медленно кувыркалась, поворачиваясь ко мне всеми сторонами. Внешне походила на продолговатый ящик с закругленными углами; из торца торчало сплетение шлангов и проводов. Модуль для криосна — но не привычной мне разновидности. По повреждениям в конце капсулы, противоположном голове пассажирки, я предположил, что ее сорвало с какой-то опоры или шасси, возможно выполнявшей некую функцию, которую капсула не могла обеспечить сама. Как долго она способна поддерживать жизнь своей пассажирки без поступающих через эти обрубленные корни питательных веществ? Мне подумалось, что та должна обладать отменным здоровьем, чтобы протянуть несколько суток, не говоря уже о неделях, которые потребовались мне, чтобы до нее добраться.

Я подплыл ближе, пользуясь лишь пассивными датчиками шаттла и полагаясь на окружающее освещение. Меня не оставляла мысль, что это может оказаться волчья ловушка, хитроумная имитация-приманка. Но чем больше сокращалось расстояние между нами, тем менее вероятным казался подобный вариант. Слишком уж реально и убедительно все выглядело. На поверхности капсулы виднелись вмятины, и царапины, и множество пузырей в тех местах, где обшивка, должно быть, подверглась воздействию чудовищного жара. В уцелевшем ее конце располагалось прямоугольное окошко, примерно там, где должно было находиться лицо пассажирки. Стекло защищала металлическая решетка. Дизайн капсулы выглядел грубоватым и старомодным.

Капсула продолжала кувыркаться. Под стеклом что-то мелькнуло — или нет?

На мгновение возникло безмятежно спящее лицо, залитое красноватым светом Михаила.

Я подвел шаттл к капсуле на расстояние нескольких метров. Если это бомба, я уже чересчур близко — не важно, в метрах или километрах. Открыв оружейный отсек, я опустил салазки, используя захваты, чтобы поймать капсулу и остановить ее вращение. Задача оказалась не из простых, но после двадцатиминутной возни, сопровождавшейся потерями и погонями, мне наконец удалось в достаточной степени укротить капсулу, чтобы затащить в корабль. Хорошо, что там не было ракеты, иначе в отсеке просто не оказалось бы места. К счастью, два эти объекта не слишком различались формой и размерами.

Загерметизировав шлюз, я открыл внутренний люк. Капсула лежала окошком ко мне, но из-за внезапного переноса в воздушную среду стекло под решеткой заиндевело, не позволяя проникнуть сквозь него моему взгляду.

Я заранее подготовился, надев наушники. Закрепив на оболочке капсулы магнитный держатель, поднес к губам микрофон.

— Слышишь меня? — неуверенно спросил я. — Меня зовут Мигель де Рюйтер, и это я говорил с тобой три недели назад. Я доставил тебя на борт моего корабля. На обшивке твоей капсулы установлен радиопередатчик, работающий на той же

частоте, на которой мы уже общались. Ответ, если хоть что-нибудь из сказанного до тебя дошло.

Ответа из капсулы не последовало, но я на это и не рассчитывал. Я совершал привычные действия, почти смирившись с тем, что пассажирка уже мертва — или, что то же самое, ее невозможно вернуть к жизни. Смерть приходила во многих обличьях. В самой глубокой точке криосна мертвы были все — никаких мыслей, никаких клеточных процессов. Но человека все же удавалось оживить — если капсула работала штатно. Если же случался сбой, по клеткам тела могла пронестись разрушительная волна, раздирая их изнутри и разрывая связи между ними, кодировавшие все то, что мы считали самым дорогим для себя. Теплый труп с превратившейся в серую кашу нейронной сетью был ничем не лучше холодного.

На других планетах, в лучшие времена, всегда оставалась надежда. В Солнечном Доле проблемой становилось даже удаление зуба или вправление перелома. Восстановление же поврежденного мозга абсолютно выходило за пределы наших возможностей.

— Отдыхай, — сказал я, будто это имело какое-то значение. — Теперь ты в безопасности, летишь со мной на мою планету.

Я оставил магнитный держатель на месте, не выключая радиоканала.

Пройдя в переднюю часть шаттла, я начал готовить его к полету домой. Несколько запусков маневровых двигателей, пара коррекций курса, немного еды в брюхо — и я уже мог снова лезть в гибернатор. О том, что делать с жутким трофеем, пусть теперь беспокоятся другие.

— Поговори со мной.

Голос доносился с консоли, передаваемый через магнитный держатель. Метнувшись обратно в оружейный отсек, я схватил перчатку и, как сумел, стер иней с зарешеченного окошка.

— Я здесь, — сказал я в микрофон. — Ты... хорошо себя чувствуешь? Помнишь что-нибудь из случившегося за последние три недели?

— Где я?

Голос все так же казался отстраненным и не вполне реальным. В нем было нечто чересчур чистое, кристальное, вроде мелодии, издаваемой бокалом, когда по нему проводят влажным пальцем.

— На корабле. Я тебя спас.

— Спас меня?

Я напряг зрение, пытаюсь лучше разглядеть лицо за окошком. Но стекло слишком запотело изнутри, и лицо парило под ним, будто темноглазая луна, проглядывающая сквозь перистые облака.

— Что-то случилось. Ты была на корабле — намного больше, чем этот. Произошла катастрофа... Твой корабль взорвался при входе в нашу систему.

— Катастрофа?

— Отказ двигателя. Похоже, тебя взрывом вышвырнуло наружу. Я поймал сигнал твоей капсулы. Только твой.

— Были и другие, — отстраненно проговорила она, будто к ней только теперь начали возвращаться воспоминания. — Ты должен их отыскать. Не могла же я быть единственной.

— Вряд ли кто-то еще уцелел. Даже если и так... боюсь, найти их невозможно. У тебя работал передатчик, но больше ни у кого его не было.

— Я хочу выбраться из этой штуки. У меня все онемело.

— Ничем не могу помочь, пока мы не прилетим в Солнечный Дол. Там о тебе позаботятся.

— Что такое Солнечный Дол?

Я перешел к другому концу криокапсулы, на который пришлось больше всего повреждений; там торчали чисто срезанные многочисленные шланги и провода.

— Безопасное место. Маленькое поселение на планете под названием Михайлов День, на орбите звезды, которая называется Михаил.

— Не знаю таких.

— Тебе и неоткуда знать. — Надев изолирующие перчатки, я осмотрел оборванные соединения, пытаюсь опознать знакомые технологии и функции. — Позволь спросить: ты хоть что-нибудь помнишь о себе?

— Был корабль. Нас погрузили на него, потом собрались усыпить. Сказали, когда мы проснемся, окажемся где-то в дру-

гом месте. Меня зовут... — Она замолчала, не в силах дать себе ответ на простейший вопрос. — Я не помню.

— Вспомнишь, — пообещал я, ощупывая два толстых кабеля с сердцевинной из металлического сплава, скорее всего силовые. — Если я скажу слово «волк»... оно будет для тебя что-то значить?

— У нас были волки в холмах над Плато Завинула. Они прибыли с одним из первых кораблей. Я слышала их, когда луна стояла высоко в небе.

— Это не те волки. Но хорошо, что ты хоть что-то помнишь о своей родине. Плато Завинула... — задумчиво произнес я. — Кажется, это на Приюте — одно из первых поселений демархистов. Помнишь, когда вы оттуда улетели?

— Не совсем. Как, ты сказал, тебя зовут?

— Мигель де Рюйтер.

— Ты пилот?

— Нет. — Предположение вызвало у меня улыбку. — Администратор.

— Важная персона?

Отойдя от капсулы вглубь оружейного отсека, я с усилием открыл служебный люк в переборке шаттла. За полосатой, как пчела, панелью находилась путаница силовых кабелей и идущих к датчикам проводов. Как и все прочее на шаттле, оно носило явные следы неоднократного ремонта и переделок.

— Занимаю достаточно высокое место в пищевой цепочке.

— Тогда почему послали тебя?

— Я сам себя послал.

Открыв взятый в дорогу инструментальный ящик, я начал перебирать его содержимое в поисках того, что могло понадобиться для установления импровизированной связи между кораблем и капсулой. Я решил, что это вполне реально, даже если будет выглядеть не вполне изящно.

— Они в самом деле все погибли, Мигель де Рюйтер?

— Думаю, да.

— Это плохо, что я ничего не чувствую?

Обеспокоенный вопросом женщины, я снова взглянул на капсулу.

— Я бы сказал, что это вполне по-людски. Ты вовсе не обязательно должна была знать хоть кого-то из летевших на

том корабле. На «Салмакиде» многие из нас путешествовали в одиночку, не контактируя с другими пассажирами. Мы толком не знали друг друга, пока не основали поселение.

— А теперь?

— Мы стали общиной. Семей из пяти тысяч человек. Есть свои различия, как и в любой семье, и порой весьма серьезные. Но нас связывает чувство единства и взаимопонимания, ощущение нашей хрупкости. Можешь называть это любовью. Чтобы выжить, приходится заботиться друг о друге. Без любви и поддержки наших сограждан каждый из нас крайне уязвим. Вместе, когда каждый делает свою работу, мы достаточно сильны, чтобы переждать нашествие волков. И этим, несмотря ни на какие препятствия, мы занимаемся уже тридцать лет.

— Думаю, ты очень хороший человек, Мигель де Рюйтер, если оставил свою семью и прилетел сюда ради меня.

— В таком случае ты ошибаешься.

— Ты рисковал жизнью, разлучился с любимыми, и все ради одной пассажирки, которую даже не знаешь.

Я был только рад, что она не видит, как напряглось мое лицо.

— Я делал свою работу.

ГЛАВА 2

Еще через шесть недель я вернулся домой.

Когда я вышел из гибернации в нескольких часах пути от Михайлова Дня, шаттл уже тормозил в последний раз. Известать о моем прибытии не было никакого смысла — в течение всего пути за мной следили апостолы, они предупредили Солнечный Дол о моем неминуемом возвращении. Даже без апостолов датчики Михайлова Дня зафиксировали бы мой корабль и установили, что я не имею никакого отношения к волкам. Если бы меня сочли некоей иной угрозой — объектом человеческого происхождения, чересчур заинтересовавшимся Михайловым Днем, — я был бы уже сбит нашими оборонительными рельсотронами.

Содержание

ФАЗА ИНГИБИТОРОВ

Роман

Предисловие	7
Часть первая. Солнечный Дол	9
Часть вторая. Иоанн Богослов	109
Часть третья. Свиарник	142
Часть четвертая. Эвакуация	268
Часть пятая. Фотосфера	322
Часть шестая. Арарат	350
Часть седьмая. Гнездостроитель	474
Примечания	534

МУЗЫКА ЧУМЫ

<i>Рассказ</i>	539
----------------------	-----

Благодарности	573
---------------------	-----